

Война за Сахалин в моей памяти (воспоминания очевидца)

Наша страна готовится отметить 65-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. До сих пор изучается ее история. Написано много книг, создано много песен, поставлено кинофильмов. Я хочу вписать небольшую страничку в историю освобождения Южного Сахалина от японских милитаристов своими воспоминаниями. Наша семья Тимошенко приехала из Приморья на Сахалин в 1935 году. В семье было четыре человека. Потом она увеличилась до семи человек. Жили в поселке Пильво. Мне было пять лет. Пережив войну с немцами, войну с японцами я встретила в 15 лет.

Поселок Пильво расположен на берегу Татарского пролива у 50-й параллели, отделявшей северный Сахалин от южного. Условной границей между СССР и Японией служил мыс Корсакова (Коврижка). Он был визитной карточкой Пильво, как скалы Три Брата в городе Александровске. Поселок тружеников был многолюден. В нем проживало до трех тысяч человек. Мирно жили и работали дети вместе со взрослыми на рыбзаводе Пильво, в совхозе с таким же названием и в рыболовецком колхозе «Красная звезда». Благоприятный климат позволял выращивать хороший урожай, добывалось много рыбы. Недаром наши места называли сахалинским Крымом.

Поселок пограничный. Близкое соседство с Японией налагало на жителей определенные ограничения. Хождение по поселку разрешалось лишь до 12 часов ночи. При работе на полях, расположенных вблизи границы, нельзя было громко говорить, веселиться, петь, до Коврижки вовсе не разрешалось выходить. Например, на участке МОПР, где через распадок уже была Япония. К югу от Коврижки в нескольких километрах был японский поселок Амбецу. В нем располагались японский гарнизон, госпиталь, электростанция, порт. Мы называли его Амбеца. Отсюда японцы проводили свои провокации. Это было бандитское гнездо. Подсылали диверсантов, шпионов. Пограничники ловили их, проводили по поселку в штаб. Обычно шпионы были одеты в серые одежды с большим белым кругом на спине. До отправки на катерах в Александровск их помещали в подвалы с решетчатым окном.

В центре поселка Пильво находился штаб, а по 50-й параллели – еще ряд застав. Отсюда пограничники выходили в дозоры, всегда с автоматами, собакой и ящиком. Мы предполагали: с патронами. Кроме пограничников на метеосопке напротив Коврижки был наблюдательный пункт моряков. Провокации на море случались часто. Появлялись даже перископы, рубки подводных лодок. За ними наблюдали и мальчишки. Быстро приходили пограничные катера и прогоняли пришельцев. С 1942 года в поселке находилась 82-я отдельная стрелково-пулеметная рота, как узнали мы потом. Мы называли их полевиками, саперами, одним словом, пехота. Одеты солдаты были скромно: в обмотках, шинелях. Жили в больничном распадке первоначально в землянках, постепенно обустроивались.

Нам до поры до времени было непонятно: зачем они тут, почему семьи пограничников то уезжали в Александровск, то приезжали в Пильво. Это было тревожное время накануне событий по освобождению Сахалина.

В Амбецу у японцев были быстроходные катера, и по ночам они нарушали морскую границу, с потушенными огнями заходили в наши воды. Выскакивали из-за Коврижки, захватывали кунгасы с бригадами рыбаков и увозили их на Южный Сахалин, обвиняя в нарушении границы. Там чинили допросы, подвергали рыбаков пыткам, стремились завербовать в шпионы. Так была захвачена команда катера «Максим Горький», которая после многочисленных требований советского правительства была возвращена только через полгода. Все рыбацкие поселки Широкопадского района (Пильво, Широкая Падь, Мосия, Най-най – вплоть до берега Агнево) жили под страхом нападений пиратов из Амбецу. Если рыболовные суда задерживались с моря, то женщины, опасаясь, что японцы захватили их мужей, плакали на пристани по ним, как по покойникам. Пограничники охраняли наш покой. Начальниками Пильвенской погранзаставы были Юдин, Скрипник и другие. С дочкой Скрипника я дружила.

В один из дней августа 1945 года в поселке стало известно, что началась война. Пильво находился ближе всех других поселков к границе. Поэтому дыхание войны мы почувствовали сразу. В поселке стало особенно многолюдно. Появилось много рыболовецких судов, привозивших красноармейцев и добровольцев. Здесь формировались отряды ополченцев. Это были мужчины разных возрастов. Вместе с пограничниками и пехотинцами они шли вдоль берега на Амбецу, предварительно проведя разведку, перешли границу. Завязался бой, но взять Амбецу сухопутными силами не удалось, пока не подоспели военные корабли с морскими десантами. Помогали подвозить людей и орудия катера «Максим Горький» и «Маршал Василевский». Они у меня и сейчас перед глазами. Меткими выстрелами с наших кораблей были подавлены пулеметные гнезда. Гул залпов морских орудий был слышен и в нашем поселке. Японцы оказывали усиленное сопротивление. Среди японских пулеметчиков была даже девушка. О ней мне рассказал Андреев Василий Николаевич, тогда 15-летний подросток, работавший матросом на катере «Максим Горький». Эти «кукушки» на юге Сахалина не были смертниками, прикованными к дереву, как на Харамитогах. Эти же, как только увидят вскинутые на них автоматы, камнем падали с дерева при помощи веревки, скрывались в чаще.

От пожаров в Амбецу гарь и пепел доносило ветром до Пильво. Во время боев за Амбецу тревожно было в поселке. Три ночи по приказу коменданта мы ночевали в бомбоубежище. Было страшно: боялись, что вдруг выскочат с сопки японцы. Бомбоубежищем служили вырытые в земле под сопкой зигзагообразные траншеи, обитые по стенам и потолку смолистыми горбылями. Крыши были односкатные, засыпанные землей. Бомбоубежищем служило и овощехранилище. Задолго до военных событий эти траншеи служили нам, ребятишкам, забавой. На школьных переменах мы друг за дружкой пробегали это сооружение в полной темноте, выбегали оттуда в смоле, которую было невозможно убрать с одежды (растворителей тогда не было). За это влетало от матерей. Днем матери едва успевали сгонять с крыш домов любопытных мальчишек, которые тоже вели наблюдение за морем, где появлялись силуэты военных кораблей. Однажды над поселком пролетел неизвестный самолет с юга на север. Вот было переполоху! Все попрятались кто куда. Бабушка Ксения Ипатьевна Терентьева спряталась в своем огороде в картофельную ботву. Потом смеялся над ней весь поселок, и она тоже.

В боях за Амбецу были потери наших людей. Погибли пять пильвенских пограничников и один ополченец. Был ранен в ногу пильвенец-ополченец художник

Чернышов. На рыболовном судне привезли погибших, подняли на пристань, уложили трупы на подводу, накрыли серым брезентом. Мы видели только их босые ноги. По христианскому обычаю повезли в баню, обмыли, одели в новую одежду. Гробы стояли на площадке перед штабом. Стало известно, что один из пограничников был казнен японцами. Ему выкололи глаза, обрезали уши, перерезали горло. На спине у него была вырезана звезда. Мы видели изуродованные места, прикрытые ватой. Рассказывали, что он громко кричал, звал на помощь.

Наступил день похорон. Прощаться с бойцами пришел весь поселок: и стар, и мал. Женщины рыдали. Даже маленькие дети понимали, что происходит что-то страшное. Моя 4-летняя сестренка, сидя на руках у матери, показывала на бойца, у которого было ранение в лоб: «Дырка». Эту жуткую картину она помнила всю жизнь. Пильвенцы провожали бойцов в последний путь. Медленно плыли гробы на плечах рыбаков, лесорубов в гору на сельское кладбище. Застыли в почетном карауле пограничники у свежерытой братской могилы. Со звуками одиночных выстрелов в сопках, где заканчивались бои, перекликались залпы прощального салюта. Был поставлен временный памятник со звездочкой, впоследствии он был замененobeliskом. Дети как-то сразу повзрослели. Примерно в это же время в отделение нашего совхоза Пилевка, что в 8 километрах от берега, привезли раненого бойца и смертельно раненого капитана, поднимавшего в атаку бойцов за освобождение таежного японского поселка Каре. За ранеными стали ухаживать молодые девушки: трактористка Паша Пухомелина и заведующая начальной школой Ольга Ивановна Булыгина. Капитан от пулевых ран скончался. Тело отвезли в Александровск и похоронили. Это был Иван Никитович Тельнов.

Паша Пухомелина прошла курсы медсестер. Как и многие девушки, она просилась на передовую. Но она была единственной трактористкой в совхозе. Директор совхоза Дорофеевич не отпустил ее. Сейчас она, Мельникова Пелагея Петровна, проживает в Южно-Сахалинске. Недавно отметила свое 90-летие.

Жители поселка Пильво всячески помогали Красной Армии победить японцев. Мужчины ушли в ополчение. Дети тоже хотели помочь. «Будем подносить патроны!» – заявил 12-летний Гринька Редникин. Девушки просились в медсестры, обращались в военкомат. С завистью мы смотрели на вчерашнюю школьницу Люду Оборину с носилками в руках. Я хорошо знала семью Лизы Пасынковой. Лиза добровольно ушла воевать за Харамитоги, став потом знаменитой медсестрой. Она совершила подвиг: спасла раненого сержанта, убив напавшего на нее с кинжалом японца, и спасла многих других раненых. Жители поселка азиатской внешности Житенев и мужчина, по национальности якут, уходили на японскую сторону, переодевшись, и приносили ценные сведения для пограничников. Строго соблюдалась в поселке бдительность. Осуществлялось затемнение: закрывали окна, не разрешали курить на улице. По ночам вместе с пограничными патрулями в поселке дежурил коммунист Синдяков Николай Ерофеевич. Ночами проверяли паспорта жителей во всех квартирах. Это было обычным делом. Двери открывали без боязни.

У японцев была хорошо поставлена разведка. Например, в Пильво после освобождения Амбецу вели в комендатуру пленного японца. Ему хотели завязать глаза. Он по-русски ответил: «Не надо мне завязывать глаза. Я хорошо знаю, где что у вас». Вот ведут коменданта порта Амбецу, японца лет 50, вынужденного из петли. Проходя под конвоем сквозь строй женщин у магазина, он всем низко кланялся.

Некоторое время два пленных молодых японца пилили дрова у казармы пограничников.

Амбецу освободили. Уже после освобождения Амбецу на море изредка раздавались взрывы мин. От взрывов и воздушной волны трескались большие стекла в окнах. Не стало границы, не стало чужой земли. Впоследствии поселок Амбецу назвали Возвращение.

Ныне в Пильво стоит памятник – обелиск погибшим воинам. Об их похоронах я и рассказала ранее. Памятник сделан из гранита, добытого в поселке Возвращение. На памятнике фамилии погибших: Боков С. И., стрелок; Гуляев А. А., рядовой; Панченко В. П., сержант; Рыжов А. С., сержант; Меньшиков Н., ефрейтор; Логинов И. И., ефрейтор; Мельников С. И., младший сержант; Мельников С. П., сержант; Федин. Была я в Пильво, возложила букет цветов к подножию памятника. У нашей Коврижки нынче отдыхают семьями, приезжают к морю на машинах из Смирных.

IV Рыжковские чтения : материалы науч.-практ. конф. / ГБУК СахОУНБ, отдел краеведения. – Южно-Сахалинск. – 2009. – С. 36–41.
